

А. Г. Агафонова

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЛОКАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ: КЕЙС КАНОНЕРСКОГО ОСТРОВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В данной статье на материалах кейса Канонерского острова Санкт-Петербурга рассмотрены основные аспекты взаимодействия кандидатов в муниципальные депутаты и местного населения. Исследование проведено летом-осенью 2014 г., когда накануне муниципальных выборов на Канонерском острове развернулась активная политическая борьба, выразившаяся в противостоянии ригидной системной власти и более активной несистемной оппозиции. Автор рассматривает политическую коммуникацию с точки зрения реляционной перспективы, помогающей обозначить культурные аспекты взаимодействия. В статье, вслед за реляционным социологом Э. Мише, выделены ряд коммуникативных механизмов, которые задействовали политические оппоненты в ходе конкуренции. Выводы основаны на качественном анализе материалов интервью, социальных интернет-сетей и включенных наблюдений, полученных в ходе эмпирического исследования. Библиогр. 9 назв. Ил. 2.

Ключевые слова: политическая коммуникация, коммуникативные механизмы, реляционная социология, Э. Мише, муниципальная власть, местное самоуправление, городское пространство, Канонерский остров.

PATHS OF POLITICAL CHANGE OF A LOCAL URBAN AREA: INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND THE PUBLIC. THE CASE OF KANONERSKY ISLAND, SAINT-PETERSBURG

A. G. Agafonova

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article examines the main aspects of interaction between municipal candidates and residents of Kanonersky island in St. Petersburg. The study was conducted between the summer and autumn of 2014, during the the pre-election campaign for municipal offices. The author seizes the period of active political struggle between the more rigid 'system' authorities and more active 'non-system' opposition. Political communication is considered from a relational perspective that helps to identify cultural aspects of interaction. Using the works of the relational sociologist A. Mische, we highlight a number of conversational mechanisms which were used by opponents during the political competition. Findings are based on qualitative analysis of interviews, social networks and observations obtained in the course of empirical research. Refs 9. Figs 2.

Keywords: political communication, conversational mechanisms, relational sociology, A. Mische, municipal authorities, local governance, urban space, Kanonersky island.

В условиях формирующейся рыночной экономики и новой политической системы современный российский город становится ареной активных взаимодействий различных групп интересов: жителей, их сообществ, органов местной власти, предприятий, предпринимателей, отделений политических партий, общественных организаций, других учреждений и акторов. Роль участников городского пространства неравноценна. Презентуемые ими многообразные политические, экономические, социальные культурные позиции (места) отчетливо характери-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

зуют дифференциацию, иерархии и неравенства в пределах локальной городской территории. Городские места не нейтральны. Они играют важную роль в организации социальной жизни и отражают динамику трансформации российских городов.

Большое значение в данных процессах имеет муниципальная власть. Она, с одной стороны, уполномочена выражать общую городскую политику на местном уровне, навязывая легитимные и доминирующие принципы функционирования власти. С другой стороны, она более доступна для прямых обращений местных жителей и может подлежать их контролю и влиянию. На практике в российских городах институт органов местного самоуправления, созданный в 1990-х годах, испытывает целый ряд ограничений. Они порождены несовершенством законодательной базы, предоставляющей муниципалитетам довольно узкие полномочия, недостатком организационных ресурсов и финансирования, несамостоятельностью и зависимостью от верхних уровней вертикали власти [1]. Все эти ограничения не дают возможности органам местного самоуправления (МСУ) полноценно развиваться и выполнять другую важную законодательно закрепленную функцию: быть институтом гражданского участия. Следование формальным правилам и бюрократизация работы муниципалитетов приводят к их закрытости, отсутствию развитых практик взаимодействия с местным населением.

Между тем в последние годы постепенно формируется потребность в повышении роли местного самоуправления, которое являлось бы посредником между городскими властями и населением локальной территории. В таком случае горожане обретают «право на город» [2], право на участие в развитии и изменении территории своего проживания, право влиять на локальную власть в тех или иных вопросах.

В настоящей статье анализируется роль взаимоотношений представителей органов местной власти, кандидатов на депутатский мандат, политических партий и местных жителей в ходе муниципальных выборов в трансформации социополитического контекста локальной городской территории на примере Канонерского острова Санкт-Петербурга. Выводы основаны на результатах эмпирического исследования, проведенного летом-осенью 2014 г. В указанный период было проведено 10 полуструктурированных интервью с кандидатами на депутатские мандаты и их сторонниками, 5 включенных наблюдений на организованных ими мероприятиях¹. Полученные данные в равной степени репрезентируют мнения большинства групп муниципальных кандидатов (членов КПРФ, представителей управленческого аппарата местной администрации, членов РПР-Парнас и «Альянса зеленых и социал-демократов»). Непосредственное взаимодействие с представителями «Единой России» ограничилось беседой на открытом митинге, в дальнейших очных интервью было отказано. Сведения о степени и характере участия представителей данной партии в предвыборной борьбе были дополнены материалами наблюдений. Немаловажными источниками информации также выступили социальные сети (в частности, группа «Канонерский остров» «В контакте») и интернет-СМИ.

¹ В настоящей статье приведены фрагменты из шести интервью с кандидатами на депутатские мандаты и их сторонниками, двух включенных наблюдений с мероприятий, а также отрывок из случайного разговора с жительницей острова в процессе проведения исследования.

Канонерский остров²: специфика пространства и локального населения

На ход и организацию взаимодействия между жителями и муниципальными кандидатами в процессе выборов значительное влияние оказывали история локальной территории и историческая память местного населения. Канонерский остров обладает уникальными характеристиками, которые обусловлены особенностями его исторического развития. Вплоть до 1983 г. остров был фактически изолирован от остального города: попасть на него можно было лишь водным путем и при наличии пропуска. Закрытый режим обитания на острове способствовал формированию сообщества «канонерцев», объединенных общими проблемами и вопросами, связанными с их жизнью на острове.

За последние тридцать лет, после открытия тоннеля в 1983 г. и административного, экономического, а также физического включения острова в общегородское пространство, из автономного района в черте города он превратился в отдельный городской микрорайон. Вместе с тем изолированность острова до сих пор сохраняется: как символическая, так и материальная. Горожанами Канонерский остров сегодня описывается как городская периферия, «грязный», «опасный» и «депрессивный» микрорайон. Для многих остров до сих пор предстает «белым пятном» на карте города: мало кто знает о нем.

Вместе с тем жизнь канонерцев разительно отличается от жизни большинства петербуржцев. Многие островитяне поддерживают отношения со своими соседями, в том числе и вне собственной парадной, благодаря чему остров продолжает описываться его обитателями как «деревня в городе» {И2}. Своеобразие современного состояния и социополитического контекста Канонерского острова заключается в его двойственной природе (экономической, административной включенности в общегородское пространство и обособленности локального малочисленного общества), которая сохраняется и по сей день.

Позиционирование участников выборной гонки за властные ресурсы

Кандидаты в депутаты местного самоуправления, принявшие участие в выборах, значительно отличались по политическому «весу» и социальным характеристикам. Они могут быть сгруппированы по принципу партийной (организационной) принадлежности: действующие члены муниципалитета, представители фракции КПРФ, члены партии «Единая Россия», партий «РПР-Парнас» и «Альянс зеленых и социал-демократов». Подобное деление имеет условный характер. Во-первых, потому что в ходе предвыборной борьбы партийная принадлежность зачастую никак не позиционировалась, напротив, многие кандидаты старались избегать ее. Во-вторых, партийная принадлежность лишь определяет некоторую схожую стратегию поведения «на публике», в то время как на деле внутри самих команд муниципальных кандидатов зачастую можно было фиксировать противоречивые мнения.

Необходимо отметить, что муниципальные выборы 2014 г. разворачивались на фоне роста гражданской активности, произошедшей после резкого подъема

² Канонерский остров (избирательный округ № 90) наряду с Двинской улицей (№ 89) составляют муниципальный округ «Морские ворота». Население острова — около 4–5 тыс. человек, число жителей с правом избирательного голоса — около 2,5 тыс. человек в 2014 г.

оппозиционных настроений в ходе массовых манифестаций против фальсификации на выборах в Госдуму в декабре 2011 г. Активные участники массовых возмущений 2011–2013 гг. постепенно развили сильную сеть оппозиционных сторонников. Для них участие в муниципальных выборах–2014 было важным стратегическим ходом, целью которого была попытка вытеснения действующей «системной» власти и влияния на политическую трансформацию властных органов. В муниципальных выборах на Канонерском острове оппозиция была представлена членами партий «РПР-Парнас» (Республиканская партия народной свободы) и «Альянс зеленых и социал-демократов». Оппозиционная команда состояла из молодых людей и девушек (21–34 года) с опытом активистской деятельности (участие в протестных движениях за честные выборы (ДЗЧВ), молодежных движениях т. д.). По Канонерскому острову баллотировались двое сопредседателей петербургского отделения партии РПР-Парнас. Здесь их шансы на победу были выше, в отличие от центральных районов, где муниципалитеты более «закрыты» и для борьбы необходимо обладать большим капиталом (административным, политическим), которого у оппозиции нет.

Местная муниципальная власть была представлена бывшими работниками Канонерского судоремонтного завода, Морского порта и детского сада на Канонерском острове. Двоих из трех кандидатов, которые баллотировались со стороны муниципалитета, впоследствии отстранили от участия в выборах по итогам рассмотрения исковых судебных заявлений, которые выдвинула оппозиция по отношению к своим соперникам. Однако формальное отстранение от участия в выборах не помешало всем представителям муниципалитета вмешиваться в сам ход предвыборной агитации.

«Единая Россия» выставила по пять участников на каждый муниципальный округ. Средний возраст кандидатов составил 36 лет. Один из представителей команды «Единой России» был председателем местной партийной ячейки по Нарвскому округу. В выборах также принимала участие дочь бывшего замглавы МО «Морские ворота», она баллотировалась по Двинской улице.

КПРФ была представлена тремя кандидатами. Все трое — жители Канонерского острова — сейчас или в прошлом. Наиболее молодой участник, однако, выдвигался по рекомендации от партии, хотя формально в ней не состоял. Его мать, напротив, много лет являлась членом КПРФ и работала помощником депутата ЗакСа. Еще один участник, ранее проживавший на острове, занимал должность начальника по выборам Кировского района.

Конструирование контекста городской жизни: реляционная исследовательская перспектива

Социально-политическая жизнь локальной городской территории в электоральный период особенно активна. Ведь результаты муниципальных выборов являются важнейшим фактором не только будущего обустройства острова в соответствии с интересами жителей, но и основанием взаимоотношений представителей власти и населения, определяющим широкий контекст повседневной жизни. Именно реляционная, то есть отношенческая, перспектива в социологии позволяет рассматривать социальную жизнь как «ткань» взаимодействий между различными социальными локусами (будь то индивиды, институты, городские сообщества).

Реляционная социология представляет альтернативу структуралистскому и деятельностному (гуманистическому) подходам в городской социологии. Деятельностный (гуманистический) подход рассматривает пространство как субъективно и, следовательно, индивидуально определяемое. Структуралистский подход, напротив, исходит из предположения, что место в городском пространстве формируется под влиянием «внешних» структурных сил. Реляционная социология стремится показать, что так называемые социальные структуры, общества, или институты, суть *отношения* между социальными субъектами, а не абстрактные показатели и индикаторы. Социальное конструирование городского пространства происходит, однако оно заключено в процессах взаимодействия людей с пространством, с объектами в данном пространстве, с другими людьми. Поэтому реляционный анализ предпочитает связи над сущностными характеристиками явлений. Между тем в фокусе реляционной социологии находятся не только структурные, но и культурные смыслы: эмпирические сети рассматриваются как *«сети смысловых отношений, учреждаемые в дискурсе и являющиеся продуктом культуры»* [3]. Подразумевается, что социальные связи имеют коммуникативную природу [4, с. 8].

Аналитические категории, выделенные представительницей реляционной социологии Энн Мише, служат опорой для объяснения природы коммуникаций участников социально-политического процесса на локальной территории. Выделенные в ее этнографическом исследовании молодежного активизма [5] *коммуникативные механизмы*, обеспечивавшие маневрирование молодых лидеров между различными идентичностями ради выстраивания солидарных либо отчужденных отношений с другими акторами, точно так же присутствуют в общественной жизни Канонерского острова. С позиции индивидуальных акторов, которыми в нашем эпизоде выступают кандидаты в депутаты муниципалитета, коммуникативные механизмы понимаются как «стратегии» или «практики», которые *«складываются в регулярные локальные процессы, повторяющиеся во множестве различных контекстов»* [5]. Структура сложных связей и взаимодействий участников электорального процесса на Канонерском острове предстает как «решетка» взаимодействий. Мы сгруппировали отношения между социальными агентами в четыре ключевых квадранта:

1. Отношения между кандидатами на депутатский мандат и политическими партиями.
2. Отношения между кандидатами на депутатский мандат и избирателями.
3. Отношения между представителями действующей власти и кандидатами на депутатский мандат.
4. Отношения между представителями действующей власти и жителями, в том числе избирателями.

На основе материалов, полученных в ходе интервью с жителями острова и отдельными муниципальными кандидатами, данных социальных интернет-сетей и включенных наблюдений за период лето — осень 2014 г. подтверждается допущение о коммуникативной природе социальных связей и взаимодействий. Схематично коммуникативные механизмы реализации взаимоотношений представлены на рис. 1.

Основной целью коммуникативных механизмов является достижение популярности муниципальных кандидатов для привлечения новых участников в ряды

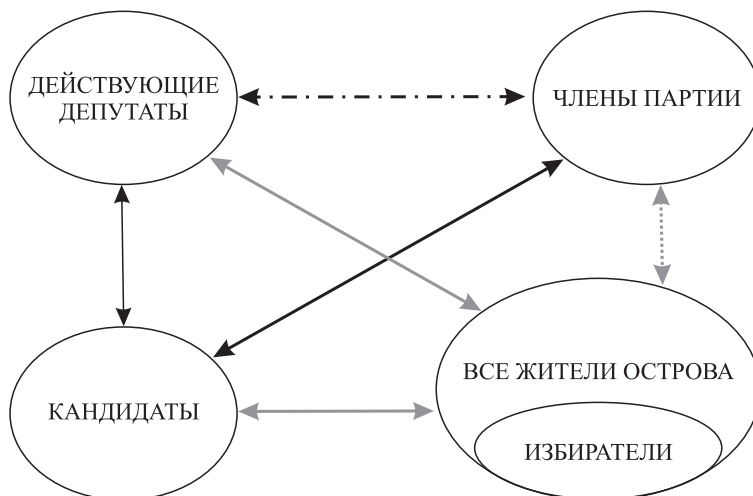

Рис. 1. Отношения основных групп участников социально-политического процесса на территории Канонерского острова Санкт-Петербурга.

своих сторонников или просто выстраивания/улучшения отношений с публикой и/или медиа. Претенденты на депутатский мандат понимают, что многие из потенциальных или существующих сторонников могут не разделять отдельные пункты их программ или их партийную принадлежность. Поэтому для успешного взаимодействия им требуется задействовать понятные и одобряемые публикой сигналы. Данные механизмы также способствуют сплочению внутри самой группы кандидатов, поскольку им необходимо находить общий язык друг с другом и выстраивать единую линию поведения.

Вслед за Энн Мише, мы выделили три ключевые коммуникативные стратегии, которые муниципальные кандидаты использовали в ходе конкуренции с оппонентами и с целью привлечения электората локальной территории [5].

1) Механизм конструирования границ и мобилизации идентичности вполне применим для характеристики отношений сложных связей и взаимодействий участников социально-политического процесса на локальной территории Канонерского острова. Данный механизм выступает одним из способов демонстрации групповой принадлежности посредством дискурса кандидатов в депутаты органов местной власти: через реплики и утверждения, указывающие на то, какая из многообразных принадлежностей социального актора активна «прямо сейчас», в заданном контексте социального взаимодействия [5].

2) Механизм темпоральных связей выступает более сложным конструктом взаимодействия участников электорального процесса. Темпоральное измерение обладает рядом дискурсивных маркеров, например это временные «доказательства» (контекстуальные употребления «здесь» и «там» для привлечения внимания слушающего), нарративный жанр (утопия vs практическая стратегия) и более механические процессы, где задействуются календари, планы и т. д. С точки зрения Э. Мише, ориентация на прошлое, будущее или настоящее, а также «манера, в которой каждая группа конструирует политическое время» [5], оказывают критиче-

ское влияние на способность групп формировать коммуникативные связи с другими акторами. Коммуникативный темпоральный контекст, создаваемый кандидатами на депутатское место, позволяет выстроить манипулятивные инструменты в текущих и будущих практиках взаимодействия с населением.

3) Коммуникативный механизм «игры» смыслами и манипуляции образами играет ключевую роль во взаимодействии кандидатов в депутаты с избирателями [5]. Данный механизм демонстрирует, как акторы с уровня смысловой конкретики перемещаются на более абстрактные уровни и обратно. Акторы учатся играть на двусмысленности дискурсивных категорий с целью выстраивания альянсов и завоевания публичной поддержки. Разумеется, это не означает, что любые обещания будут выполнены. За счет дискурсивной игры с публикой приобретаются влияние и голоса.

Проявление вышеперечисленных механизмов можно было проследить в течение всего процесса взаимодействия между различными группами акторов, что позволяет говорить об их относительной устойчивости. Далее мы перейдем к рассмотрению примеров их использования в ходе взаимодействия между кандидатами в муниципальные депутаты и электоратом в преддверии муниципальных выборов 2014 г.

Реляционные механизмы: кейс предвыборной агитации на острове

Коммуникативные механизмы неизбежно оказываются «заперты» в реляционный контекст, который ограничивает возможности их использования. Кандидаты и действующие депутаты не могут совершенно свободно объединяться по собственному желанию: они действуют исходя из структурных позиций, которые занимают. Поэтому выбор той или иной стратегии взаимодействия ограничен. Например, сложившаяся ситуация скрытой поддержки партийной идеологии «Единой России» [6] представителями органов местной власти не позволяет им «отклоняться от курса» и действовать по собственному усмотрению. Они также имеют доступ к административному ресурсу, поэтому не видят необходимости в активной предвыборной агитации среди жителей острова.

Так называемая несистемная оппозиция (в нашем случае — РПП-Парнас, «Альянс зеленых и социал-демократов»), напротив, нуждается в поддержке электората. Использование различных коммуникативных механизмов позволяет им выстраивать сети отношений не только друг с другом, привлекая новых членов в свои ряды, но и более эффективно завоевывать свою аудиторию. От того, насколько успешно они это делают, во многом зависят не только успех на выборах, но и доверие к ним, их известность и репутация.

Рассмотрим использование каждого механизма в выделенных нами ранее контекстах отношений между различными группами интересов.

Коммуникативные практики конструирования границ и мобилизации идентичности

Кандидаты — политические партии. Партийная принадлежность муниципальных кандидатов играла важную роль в выстраивании их отношений друг с другом и с электоратом. Оппозиционные кандидаты намеренно не демонстрировали в период предвыборной агитации своего отношения к партии РПП-Парнас, хотя ее инфографика регулярно использовалась в их агитационных материалах.

Например, сторонник партии, помогавший друзьям в электоральный период, отметил, что его просили не заводить речь о политике в общении с жителями {И5}. В регистрационных списках члены партии РПР-Парнас также шли самовыдвиженцами. Публичная отстраненность от партийной принадлежности была намеренным шагом: факт членства молодых кандидатов в оппозиционной партии был воспринят многими жителями с настороженностью.

В практиках конструирования властных границ и мобилизации партийной идентичности действующие служащие муниципального совета вели себя иначе. На момент выборов они не состояли ни в одной из политических партий, однако в период электоральной гонки наблюдался их тесный альянс с представителями «Единой России». Интервью с главой муниципального совета показывает, что кооперация с «Единой Россией» была скорее вынужденной, чем желательной: *«Поэтому у нас что остается? Наша родная “Единая Россия”»* {И4}. Члены «Единой России» присутствовали на некоторых мероприятиях, проводимых местным советом. Совместные фотографии с этих мероприятий печатались в «Муниципальном вестнике».

Представители «партии власти» в электоральный период, скорее, больше наблюдали за ситуацией, активно не включаясь в агитацию. Апелляция к «общему курсу» позволяла представителям «Единой России» максимально использовать символический капитал доминирующей партии и минимизировать личные усилия в завоевании доверия местных жителей в электоральный период.

В: *Меня интересует, какая у вас программа, как вы работаете с жителями, почему выбрали Канонерский остров...*

О: *Если бы мы были самовыдвиженцами, он был бы актуален. А когда есть курс партии, который говорит: там есть проблемы, которые необходимо... наши люди, сильные, сильные наши люди, для того чтобы эти проблемы были решены, направить людей на правильное решение»* {Н1}.

Кандидаты — избиратели. Важную роль в коммуникации между муниципальными кандидатами и жителями играло наличие у последних тесной связи с локальным территориальным сообществом. Примером обращения жителями к своей территориальной идентичности могут служить следующие лингвистические конструкции, выделенные при анализе транскриптов с митинга на Канонерском острове: *«я как житель и работник на территории Канонерского острова», «мы, жители корпуса два»* {Н1}.

Мобилизация идентичности жителей происходила зачастую в ответ на деятельность оппозиционных кандидатов. В общении с электоратом оппозиционная команда выстраивала коммуникацию, дискурсивно позиционируя себя на стороне жителей острова. Например, в ходе организованного ими митинга на Канонерском острове оппозиционеры зачастую задействовали в своих речах идентичность островитян: *«Давайте вместе скажем, товарищи, что мы с вами против. Против игнорирования интересов канонерцев»* {Н1}. Сложилось неоднозначное отношение к оппозиционной команде, часть жителей воспринимала их слова как лицемерную риторику, аргументируя это тем, что они даже не являются жителями острова, следовательно, хотя бы «канонерцев обидеть» [15 июля 2014, группа ВК «Канонерский остров»].

Действующая власть — кандидаты. По отношению к своим политическим оппонентам кандидаты с самого начала обозначили четкие границы. Оппозиционная

команда, дискурсивно выступая на стороне жителей, одновременно выстраивала дистанцию по отношению к местной власти и властным институтам вообще. После избрания они продолжали дистанцироваться от своих (теперь уже) коллег, называя их «депутатами», нечестно избранными («*Я депутат без кавычек, избранный. А с этими людьми конфронтационно, потому что они ущербное жулье, с которым иначе невозможно иметь дел*» [21.12.2014, группа ВК «Канонерский остров»]).

В свою очередь, представители местного муниципального совета использовали против кандидатов контрриторику истерии³ [7], маркируя поступки и реакции муниципальных кандидатов как ненормальные, неадекватные, чрезмерно агрессивные: «*Образованные, но, к сожалению, несдержанные. <...> Политические психи вообще-то неуместны на уровне муниципалов*» {И4}.

Действующая власть — жители (избиратели). Представители местной администрации не принимали активного участия в общении с населением в электоральный период, поэтому их позицию можно было понять преимущественно из личных интервью и бесед. Необходимо отметить наличие взаимной дистанции между представителями действующей власти и жителями острова. Жители отмечают пассивность местной власти и ее нежелание вступать в открытый диалог: «*Муниципалы могут только позаигрывать с жителями разовыми праздниками, чтоб жители не возникали*» [31.03.2014, группа ВК «Канонерский остров»]. Напротив, служащие муниципалитета отмечают слабую заинтересованность жителей в участии в открытых муниципальных собраниях: «*...жители могут присутствовать всегда, обсуждать наши проекты нормативных актов, которые мы все размещаем на официальном сайте. Проходят публичные слушания по бюджету, уставу, отчету об исполнении бюджета. Ну, жителей это не сильно привлекает*» {И3}.

Открытые муниципальные собрания, как правило, проводились по будним дням в рабочее время. Информирование о них также было довольно слабое, поэтому зачастую жители не были осведомлены о собраниях или вовсе не могли на них присутствовать. В приведенном ниже отрывке представитель муниципального совета как бы «нормализует» ситуацию отсутствия жителей на собраниях, маркируя собственную идентичность и одновременно стремясь нивелировать претензии к муниципальному совету за то, что население острова не было представлено на открытых встречах: «*Я, например, как житель, ни разу не ходил в своем муниципальном образовании на подобные [собрания], и желаний таких не возникало*» {И3}. Неучастие жителей в деятельности совета, судя по его словам, можно интерпретировать как «типичное» и «нормальное» поведение жителей не только Канонерки, но и других районов города.

Практики использования темпоральных связей

Данный коммуникативный механизм используется оппозиционными кандидатами для завоевания доверия жителей острова (ориентация на острые проблемы, стоящие перед островитянами, требующие немедленных решений) и представителями действующей власти, депутатами и служащими для легитимизации своих программ и действий (ориентация на плановое, постепенное разрешение проблем).

³ **Контрриторика истерии:** предполагает указание на то, что моральные суждения людей, конструирующих проблему, не основываются на «здравой» оценке ситуации, а находятся под влиянием «иррациональных» и «эмоциональных» факторов [7].

Оппозиционные кандидаты. Публично политическое время оппозиции конструировалось преимущественно в контексте «политики реальных дел» [8, с. 56] и больше фокусировалось на измерении «здесь и сейчас»: «...сейчас, здесь, мы видим три видеокamеры, которые снимают это дело на центральных каналах <...> сейчас мы готовим иски в суд» {Н1}.

Действующая власть. Из следующего дискурсивного фрагмента видно, что деятельность муниципалитета ориентирована на планы: «...что они могут сделать, если это не полномочия муниципалов? Полномочия города. **Все это в генплане** <...> **все это в плане** <...> так же, как и с этой площадкой спортивной, шум подняли. То они, то “Единая Россия”. Но **они в плане!**» {И4}. Ориентация на план, ожидание патерналистской позиции со стороны администрации и других структур, обладающих большими полномочиями по сравнению с муниципалитетом, создают ощущение безвыходности у работников совета и в некотором смысле конституируют их бездействие. Иными словами, не только сама структурная зависимость обуславливает низкую активность муниципалов, но и их ориентация на некоторое утопическое будущее, когда «все будет хорошо», задает пассивность и невозможность реальных действий «здесь и сейчас».

Жители (избиратели). Большая часть жителей демонстрирует ориентацию на прошлое в контексте дискурса о возможностях дальнейшего развития острова. Многие дискурсивно идеализируют период до постройки тоннеля, когда на острове было «спокойно», «тихо», «мало людей». Подобная «идеальная картина» воспроизводится и в нарративах более молодых островитян, например молодого кандидата от КПРФ: «По пропускам... здесь вообще никого не было. Я бы сейчас с удовольствием так бы жил» {И6}. Отчасти в шутку, отчасти всерьез жители предлагают вернуть старые времена, закрыть остров от посторонних: «Я читала, многие в группе пишут: вот, к кому так обратиться, чтобы закрыли. Пусть не жестко, но закрыли» {И7}.

Практики «игры» смыслами и манипуляции образами

В ходе взаимодействия с жителями острова муниципальные кандидаты активно манипулировали смысловыми категориями, придавая им многозначность в публичном общении. Например, в ряде случаев локальным проблемам местного сообщества приписывалось значение общегородских или даже общеполитических, а сама проблема преподносилась в качестве общезначимой.

Кандидаты — политические партии. Чтобы конкурировать со своими политическими оппонентами, оппозиции было необходимо играть одновременно на двух полях: на местном уровне в логике конкретных вопросов и проблем и на более широком городском (или даже федеральном) уровне, где их целью была борьба с гораздо более серьезным соперником — «Единой Россией».

Расширение повестки до уровня абстрактного общеполитического контекста происходило за счет придания гласности конкретным локальным проблемам. Наиболее ярким примером, демонстрирующим игру между «конкретным» и «абстрактным» смысловыми уровнями, было проведение оппозицией «первого в истории Канонерского острова» митинга: «Цель этого митинга — **чтобы в городе услышали голос Канонерского острова** <...> Нужно, чтобы эти проблемы постоянно поднимались. **Чтобы о них слышали в городе. Чтобы все знали, что есть люди несогласные**» {Н1}.

К наиболее успешной контрриторической стратегии «Единой России» можно отнести апелляцию к теме украинского Майдана, в котором принимало участие несколько оппозиционных кандидатов. В последнюю неделю перед выборами по почтовым ящикам жителей округа были распространены листовки с заголовками: «Крым вернули и Канонерку не отдадим!», «И не дай нам Бог, чтобы с Канонерского острова подули ветры Майдана!» и фотографиями оппозиционеров «на баррикадах» (рис. 2).

Рис. 2. «Антиопозиционные» листовки

Кандидаты — избиратели. «Перепрыгивание» с одного уровня абстракции на другой и уход от обсуждения реальных проблем со временем стали вызывать недовольство жителей. Так, например, оппозиционный депутат, попавший в муниципалитет, периодически старается перевести внимание с обсуждения локальных проблем острова на более широкий общеполитический уровень, в то время как жители призывают его вернуться к обсуждению конкретных вопросов:

«Депутат: Знаковый сам вопрос, который мы обсуждаем, и то, как это происходит... И показывает, на самом деле, тот уровень деградации и нашей муниципальной власти, и, может быть, власти на более высоком уровне, которая происходит...»

Житель 1: Уже обобщать, не обобщать... Давайте.

Житель 2: Давай. А то вокруг да около» {H2}.

Действующая власть — кандидаты. В ходе конкуренции с местной муниципальной властью оппозиционеры старались сузить обсуждение проблем до вопросов локальной территории, избегая более абстрактных общеполитических тем: «Муниципальный уровень — это муниципальный уровень. Если выходить на городской — то с точки зрения благоустройства, получения каких-то проектов, реализации каких-то вещей. Но федеральная повестка не переносится на муниципальный уровень. Важно дистанцироваться. То есть, нам хотелось бы сделать, чтобы наши честные лозунги, там, зимы, честных выборов, перенесли их на муниципальный уровень. Нет. Наша цель, наоборот, — дискутировать с ними»

на их поляне. На этой поляне они проиграют также. А пытаться обвинить нас, там, что мы ездили на Украину и куда-то еще — ну, пожалуйста. Какое отношение это имеет к тому, что, ребят, вы муниципалитет весь, ну, работу муниципалитета завалили» {И1}. Зачастую оппозиционеры прибегали к демонстрации «фактографической очевидности» [8, с. 64] давно существующих на острове проблем, на которые «нельзя закрыть глаза». Благодаря тому что нерешенных проблем на острове и вправду немало, данная стратегия ярко и наглядно демонстрировала бездействие и неэффективность местной власти. Так, например, на организованном оппозиционерами митинге *«по той причине, что накопилось очень много вопросов к местным властям»* {Н1}, говорили о проблеме большого скопления фур на острове, расселении квартир в связи со строительством Западного скоростного диаметра, большом количестве мигрантов, неблагоустроенном пляже и территории в конце острова, которую используют под свалку. Однако фактически ни один из перечисленных вопросов не находится в непосредственном ведении муниципалитета, поэтому высказанные в адрес муниципалитета обвинения были во многом преувеличенными.

Заключение

В результате муниципальных выборов 2014 г. произошла практически полная смена состава муниципальных депутатов. По итогам выборов в день голосования лидировали представители оппозиционной команды, что в целом позволяет судить о результативности их коммуникативной стратегии в работе с местным населением. В частности, они в активном общении с жителями ввели в информационное обращение критическую артикуляцию необходимости изменения депрессивной ситуации и преобразования жизни на острове. Таким образом, они практически манифестировали волнующие канонерцев идеи трансформации социополитического контекста локальной городской территории для обновления состава действующих органов местной власти.

Однако ожидания разных участников от выборной кампании и ее результатов столкнулись с ситуацией воспроизводства устоявшейся системы «вхождения во власть». При суммировании результатов с результатами досрочного голосования вперед вышло большинство от «Единой России». Ситуация с победой «Единой России» за счет досрочного голосования наблюдалась по всему городу, что позволило распространиться слухам о нечестных выборах и массовых «вбросах» бюллетеней [9]. В результате лишь два оппозиционных кандидата получили депутатские мандаты.

Между тем, увеличившаяся в период выборов активность среди местного населения, на наш взгляд, выступает одним из наиболее существенных моментов в углублении структурных перемен локального социополитического контекста. Вовлечению и развитию многостороннего диалога между муниципальными кандидатами и жителями способствовала активная деятельность оппозиционных кандидатов, задействовавших многообразные коммуникативные практики взаимодействия с публикой. Оппозиция продемонстрировала не только наибольшую активность, но и изощренность в использовании риторических стратегий, выстраивая коммуникацию на амбивалентности смысловых категорий.

Изменились сами коммуникативные механизмы и практики взаимодействия жителей острова с муниципальной властью. Патерналистские настроения многих жителей сменились включенностью в контекст и содержание местных проблем, следствием чего стала большая информированность о происходящем на острове. Многие жители заинтересованно принимали участие в дальнейших собраниях и встречах муниципалитета, несмотря на то что сами практики организации подобных собраний, а также продуктивного диалога и других форм конструктивного взаимодействия пока развиты слабо. В целом, использование новых коммуникативных механизмов способствовало мобилизации различных групп муниципальных кандидатов, росту электоральной активности избирателей, соответственно, малозаметному на первый взгляд изменению социополитического контекста локальной территории Канонерского острова.

Литература

1. Таболин В.В. Проблемы организации местного самоуправления в городах федерального значения // Практика муниципального управления. 2010. № 1. URL: <http://www.mcfr.ru/journals/67/208/18201/18222/> (дата обращения: 20.10.2015).
2. Lefebvre H. The production of space (Donaldson-Smith N., Trans.). Oxford, England: Wiley-Blackwell, 1991. 464 p.
3. Mische A. Relational Sociology, Culture, and Agency // The SAGE Handbook of social network analysis / eds Scott J.G., Carrington P.J. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2011. P.80–98.
4. Mutzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology. 2009. Vol. 57, N 3. P.871–887.
5. Mische A. Cross-talk in movements: reconceiving the culture-network link // Social movement analysis: the network perspective / eds Mario Diani, Doug McAdam. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.258–280.
6. Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2010. Т. 6, № 4. С. 130–151.
7. Ясавеев И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т.9, № 1 (34). С. 91–102.
8. Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / Алюков М.Л., Ерылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 480 с.
9. Мясникова О., Клочкова К. Сокрушительный провал оппозиции. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/09/15/220/> (дата обращения: 15.09.2014).

References

1. Tabolin V.V. Problemy organizatsii mestnogo samoupravleniia v gorodakh federal'nogo naznacheniiia [Problems of organization of local governance in cities of federal significance]. *Praktika munitsipal'nogo upravleniia* [Practice of municipal government], 2010, no. 1. Available at: <http://www.mcfr.ru/journals/67/208/18201/18222/> (accessed 20.10.2015).
2. Lefebvre H. *The production of space* (Donaldson-Smith N., Trans.). Oxford, England, Wiley-Blackwell, 1991. 464 p.
3. Mische A. Relational Sociology, Culture, and Agency. *The SAGE Handbook of social network analysis*. Eds J.G.Scott, P.J.Carrington. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2011, pp. 80–98.
4. Mutzel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory. *Current Sociology*, 2009, vol. 57, no. 3, pp. 871–887.
5. Mische A. Cross-talk in movements: reconceiving the culture-network link. *Social movement analysis: the network perspective*. Eds Mario Diani, Doug McAdam. Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 258–280.

6. Gel'man V. Ia., Ryzhenkov S. I. Lokal'nye rezhimy, upravlenie i «vertikal' vlasti» v sovremennoi Rossii [Local Regimes, Urban Governance, and the “Power Vertical” in Contemporary Russia]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS*, 2010, vol. 6, no. 4, pp. 130–151. (In Russian)

7. Iasaveev I. G. Konstruirovanie «ne-problem»: strategii deproblematizatsii situatsii [The construction of a “non-problem”: Strategies for deproblematization of situations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2006, vol. 9, no. 1(34), pp. 91–102. (In Russian)

8. Aliukov M. L., Erpyleva S. V., Zhelnina A. A., Zhuravlev O. M., Zavadskaia M. A. *Politika apolitichnykh: grazhdanskiye dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 480 p. (In Russian)

9. Miasnikova O., Klochkova K. *Sokrushitel'nyi proval oppozitsii* [Crushing defeat of the opposition]. Available at: <http://www.fontanka.ru/2014/09/15/220/> (accessed 15.09.2014).

Информанты

И1. Мужчина, 33 года, высшее образование. Член партии РПП-Парнас. Дата интервью: 06.07.2014.

И2. Женщина, 46 лет, среднее профессиональное образование. Бывшая жительница Канонерского острова. Член партии КППФ. Дата интервью: 25.07.2014.

И3. Мужчина, около 50 лет, высшее образование. Работник управленческого аппарата местной администрации муниципального образования «Морские ворота». Дата интервью: 05.09.2014.

И4. Мужчина, 54 года. Работник управленческого аппарата местной администрации муниципального образования «Морские ворота». Дата интервью: 05.09.2014.

И5. Мужчина, 27 лет. Программист, сторонник партии РПП-Парнас. Дата интервью: 09.08.2014.

И6. Мужчина, 25 лет. Работает водителем, живет на Канонерском острове. Женат, есть ребенок. Участвовал в выборах по рекомендации от партии КППФ. Дата интервью: 02.08.2014.

И7. Женщина, около 40 лет. Жительница острова. Отрывок из беседы на улице.

Протоколы наблюдений

Н1. Митинг на Канонерском острове. Дата наблюдения: 23.07.2014.

Н2. Муниципальное собрание. Дата наблюдения: 25.11.2014.

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Агафонова Анна Геннадьевна — аспирант; anetchka.agafonova@gmail.com

Agafonova Anna G. — post graduate student; anetchka.agafonova@gmail.com